

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PHILOSOPHIC THOUGHT AND MODERNITY

УДК: 171 DOI: 10.31249/chel/2021.04.01

Кимелев Ю.А.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ©

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Россия, Москва*

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния политической философии во Франции и Германии. Политическая философия понимается главным образом в ее нормативистской функции. Французская философия предстает как теория индивида и индивидуализма. В статье утверждается, что в современном обществе есть возможности для практически всех типов индивидуального политического поведения. Немецкая политическая философия представлена посредством анализа так называемого ренессанса практической философии, а также анализа философско-политических учений группы хорошо известных в мире мыслителей.

Ключевые слова: европейская политическая философия; французская политическая философия; немецкая политическая философия; индивид; индивидуализм; политическое поведение; ренессанс практической философии.

Поступила: 13.08.2021

Принята к печати: 30.08.2021

Kimelev Yu.A.

European political philosophy: actual agenda®

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow*

Abstract. The article analyzes the political philosophy in France and Germany. Political philosophy is understood mainly in its normative function. The French political philosophy is presented as a theory of individual and individualism. The article points out that contemporary society offers opportunities for practically all types of individual political behavior. The German political philosophy is presented via analysis of the so-called renaissance of practical philosophy and analysis of the individual political philosophical doctrines of several internationally known thinkers.

Keywords: European political philosophy; French political philosophy; German political philosophy; individuum; individualism; political behavior; renaissance of practical philosophy.

Received: 13.08.2021

Accepted: 30.08.2021

Постановка проблемы

1960–1970-е годы являются рубежными в истории западной политической философии. Нередко утверждается, что речь идет о «новой политической философии», о ее «подлинном возрождении». В этой статье объектом анализа станет ситуация в политической философии стран европейского континента. Политическая философия достаточно интенсивно разрабатывается в этих странах, причем повсеместно.

Примечательным моментом современной ситуации в западной политической философии является практически единая исследовательская повестка дня. Так, «парадигма теорий социальной справедливости», разработанная в современной англоязычной политической философии, образует фактически автономный раздел философско-политической работы в европейских странах. Вместе с тем в различных странах единая исследовательская повестка дня предстает с элементами национальной специфики. Некоторым разделам уделяется большее внимание, чем это происходит с этими же разделами в других странах, в одних странах большее число

публикаций посвящается традиции европейской философско-политической мысли, чем в других, и т.п.

Политическая философия в Испании и Италии уже становилась предметом рассмотрения (см. [Кимелев, 2010; Кимелев, 2020]). Говоря о французской политической философии, следует прежде всего указать на ее тесную связь с интенсивно исследуемой во французской социально-теоретической мысли проблематикой индивида и индивидуализма. Значительную часть соответствующих разработок правомерно считать и философско-политическими. Они образуют своего рода философско-политическую антропологию. Эти разработки также уже становились объектом анализа (см. [Кимелев, Полякова, 2017]).

В контексте работы, посвященной «историческим судьбам индивида модерна», анализируется и современный индивидуализм. Проблематика этого индивидуализма находится в фокусе внимания французских философов, социологов и политических теоретиков. Современный индивидуализм – так, по крайней мере, считает большинство современных исследователей, в том числе французских, – оформляется на рубеже 1970–1980-х годов. Этот период отмечен упадком коллективных движений, расцветом экономического либерализма, обращением к приватной жизни, размахом и расширением досуговых и спортивных форм деятельности и т.п.

Современный индивидуализм в различных его формах стал предметом интенсивных дебатов во французской социально-теоретической литературе (см. [L'Individu aujourd'hui, 2010]). Многие исследователи констатировали ослабление и упадок сферы гражданского и политического действия и превращение ее в сферу приватного, констатировали процесс приватизации повседневной жизни. Исследователи указывают на разочарование в гражданских и политических инициативах, коллективных движениях. Подобное разочарование привело к тому, что чаша весов склонилась в пользу приватной жизни. Эта ситуация характеризуется как «эра пустоты», «молчаливая революция» и наступление нового индивидуализма – эгоцентрического, нарциссического, гедонистического.

Охарактеризованный таким образом индивид противопоставляется индивиду как «субъекту», активному хозяину своей судьбы. В противоположность индивиду субъект не удовлетворяется замыканием в приватной сфере и достижением какого-то

непосредственного счастья. По мнению, например, А. Рено, субъект предполагает трансценденцию, выход за пределы индивидуально-го «я», преодоление эгоистического «я», замкнутого на себе самом [Рено, 2002]. Это может реализовываться публичным действием, политическим участием, реализацией права на выражение, художественным творчеством. А. Рено противопоставляет образ субъекта, созидателя своей жизни образу индивида как «развоплощенного социального атома». Западные общества, констатирует А. Турен, вошли в новый период – период культуры индивидуального субъекта [Турен, 1998]. По его мнению, сегодня везде присутствует устремление к «я» как центральной ценности. Подобное устремление может принимать либо форму пассивного индивида, либо форму субъекта, «желающего превратить свою жизнь в роман».

Начиная с 1990-х годов процесс индивидуализации несколько изменил траекторию: появляется новая фигура индивида. Это уже не эгоистический и замкнутый на самого себя индивид и это уже не распоряжающийся собой и определяющий свою жизнь субъект. Появляется «неустойчивый», «беспокойный», «истерзанный», «страдающий» индивид.

«Страдающий индивид» вытеснил «индивида-завоевателя» 1980-х. А. Эренберг констатирует, что в нынешнем обществе считается, что индивид обязан взять на себя решение все большего числа проблем. В сфере труда, в отношениях внутри пары, при выборе образования – «повсюду превозносятся добродетели автономии, индивидуальной ответственности» [Ehrenberg, 2010]. Каждого призывают действовать свободно: «...нас побуждают быть ответственными за самих себя» [Ehrenberg, 2010]. Социальные механизмы, поощрявшие автоматизм поведения и использовавшие установленные нормы, социальные ограничения и соотнесение с коллективной судьбой, уступают место индивидуальным решениям.

Подобная постоянная мобилизация оплачивается экзистенциальным беспокойством. Постоянно сталкиваясь с неопределенностью, с необходимостью принимать индивидуальные решения и вести свою жизнь, индивид дестабилизируется, сбивается с толку, страдает. А. Эренберг квалифицирует это как «усталость быть самим собой».

Рождается новая патология, обусловленная необходимостью постоянно искать ресурсы действий в себе самом: психическое

истощение и депрессия. Современные общества порождают патологии, связанные с чувством вины, неврозы. Общество, опирающееся на постоянную мобилизацию индивидуального «я», провоцирует депрессию. Это сопровождается применением лекарств (антидепрессантов, транквилизаторов) с целью преодолеть моменты неудач и краха.

Такая фигура индивида, ищущего себя, указывает на другую фигуру – неустойчивого индивида. Неопределенность, в которой оказывается современный индивид, проистекает из ослабления механизмов институциональной интеграции, а также привычных установленных социальных ролей. Характерным примером подобной трансформации служит определение гендерных ролей. С эмансипацией женщин эти роли уже не подчиняются стереотипам.

Каждый, таким образом, должен справиться с возможными вариантами социального поведения и найти свой собственный путь. Каждый индивид находится в ситуации постоянного напряжения в связи с наличием различных моделей поведения. Отсюда проистекает необходимая потребность в постоянной рефлексивности (самоанализе) относительно собственного поведения. Постоянный поиск самого себя порождает потребность в методах «развития личности», «коучинга», потребность в работах, посвященных искусству жить, ток-шоу, рассказывающих о приватной жизни («это мой выбор», «долой маски», «об этом говорят»).

Таким образом, современный индивид описывается различным образом, представая в различных образах: как индивид-гедонист, индивид-эгоист, замкнутый на самого себя и наслаждающийся собой; как распоряжающийся собой героический актер – гражданин; как «определяющийся индивид», жертва поиска идентичности; как «неустойчивый субъект» в поисках самого себя.

Среди французских теорий современного индивидуализма можно выделить две заметные противоположные тенденции: критическую и позитивную. Критическая стремится показать, что современный индивидуализм разрушает социальные связи и порождает специфические патологии («усталость быть самим собой»). Позитивная тенденция проявляется в указании на значение новых форм рефлексивности, на «демократизацию» личностной жизни, на благоприятные для индивидов изменения в социальных отношениях.

Если анализировать представленную типологию в философско-политической перспективе, то следует исходить из принципиально важного обстоятельства. Все типы субъектного отношения к реальности, а также все образы субъективности в условиях современного общества представляют собой и типы политического отношения к социальной реальности, соответственно, типы политического действия – как «принципы потенциального».

Дело в том, что при политико-практическом и политико-идеологическом устройстве современных западных обществ все способы политического отношения к реальности – от пассивно-интерьерного до гражданско-республиканского, от модернового рационального до анархическо-децизионистского – могут найти свой способ выражения. Другой вопрос в том, насколько эффективными могут оказаться в действительности все эти способы политического самовыражения.

К вопросу о реабилитации практической философии

В современной немецкой философии в соответствующем плане можно, прежде всего, указать на конфигурацию, которая обозначается как «реабилитация практической философии», представшая как философская программа в последние десятилетия XX в. Кроме того, будет рассмотрена определенная совокупность философско-политических теорий, которые стали известной и неотделимой частью современных международных философско-политических дебатов. Авторы некоторых из этих теорий работали в США, соответственно, часть их работ была опубликована на английском языке.

Начиная с 1960-х годов в немецкой философии разворачивается широкая и многообразная дискуссия относительно практического действия, важнейших вопросов политики, права, морали. Эта дискуссия фактически совпала с пробуждением интереса к связанной с этими вопросами аристотелевской модели, а несколько позднее – к кантианской. В дискуссии эти модели предстали как «неоаристотелизм» и «посткантианство».

С целью избежать недоразумений, связанных с традиционными способами понимания практической философии, было предложено (Р. Бубнером) использовать обозначение «ренессанс прак-

тической философии» [Bubner, 1982]. Подобное предложение не получило всеобщего признания, в том числе и потому, что новое философско-теоретическое образование уже приобрело международный резонанс в своем принятом обозначении.

Современная «реабилитация» практической философии в контексте отношений с политической философией оказалась связанной с рядом традиций истории европейской философии. Эти традиции восходят к Аристотелю, И. Канту и Г. Гегелю.

Вместе с тем современное понимание практической философии являет своеобразие и новизну. Предпримем попытку представить это понимание. В самом общем виде понятие «практическая философия» указывает на те задачи философии, которые связаны с осмыслением практики всех сфер человеческой деятельности для ее обогащения и улучшения. Соответствующее философское знание носит особый характер. Вообще практическая философия представляет собой философское познание, ориентированное на *опосредование* теории и практики, в том числе опосредование научного знания и практики. Очень важно учитывать, что в практической философии «практика» понимается не как применение теории, а в противоположность привычному употреблению понятий, разделяющему теорию и практику, воспринимается как единое свершение, включающее теоретическое знание и опирающееся на него. Не ограничиваясь тем знанием, которое продуцируют различные науки, практическая философия направляет свои усилия на обоснование целей практики в широком смысле. Это включает в числе прочего усилия соотнести науки друг с другом посредством теории науки.

Важнейшим элементом практической философии является стремление обосновать *все аспекты человеческого действия*. При этом практическая философия не ограничивает обоснование действия этикой. Особое значение приобретает то обстоятельство, что современная практическая философия противостоит тенденциям к разрыву между этикой и политикой, политикой и экономикой, экономикой и правом.

Разумеется, современная практическая философия стремится обзавестись своей методологией. Чаще всего она обращается при этом к герменевтике, понимаемой как герменевтическое постижение и осмысление человеческой практики в широком смысле.

К такой герменевтике относятся и разнообразные способы изучения «языков практики», осуществляемые средствами аналитической философии. В принципе практическая философия способна обращаться к целому ряду проблем действия и принятия решения по фундаментальным вопросам жизни и функционирования современной цивилизации, в частности вопросам связи технологии и экологии. Однако рассмотрение таких вопросов не связано с задачами нашей работы.

В общем плане можно утверждать, что реабилитация практической философии представляет собой реакцию на неспособность философского познания указать на крупноформатные цели действия. Это была и реакция на процессы формализации и технизации политической жизни. Важнейшими мотивами оформления указанного философского течения можно считать получившие широкое распространение идеи о неудачах философии в деле определения масштабных действий, а также изъяны, связанные с угасанием логоса политического действия, вообще с процессами выхода из лабиринта и технизации политики.

Во второй половине XX – начале XXI в. практическая философия, «практический философский разум» реализуется в условиях «лингвистического» и «герменевтического» поворота. В философско-политической перспективе это означает также интенсификацию этико-политической рефлексии. Фактически речь идет о заметном укреплении позиций политической философии в ее нормативных версиях. В этом плане очевидны параллели между тем, что происходило в англоязычной политической философии и политической философии на европейском континенте. В этом можно видеть и подтверждение тезиса о единой повестке дня современной западной политической философии.

Философско-политические теории

В данном разделе объектом анализа стали теории, которые являются неотъемлемой составляющей международной повестки современной западной политической философии. Некоторые из них были созданы в США и первоначально обнародованы на английском языке.

Ханна Арендт

В 1960–1970-е годы политическая философия переживает подлинный ренессанс. Это происходит за счет обращения к некоторым концепциям прошлого, а также за счет возникновения новых философско-политических теорий, разрабатывавшихся альтернатива современной политической науке. Особое значение сохраняет философия Х. Арендт как неотъемлемый компонент всей западной политической философии.

В книге «Человеческое состояние» (в Европе известна как «*Vita activa*»), а затем в работах «Жизнь ментальности» и «Лекции о политической философии Канта» Х. Арендт утверждает автономию практики в отношении теории, осуществляя демаркацию практики и «поэзиса» и демаркацию морально-практического, политико-практического и технико-практического знания [Арендт, 2011; Арендт, 2013; Арендт, 2017]. Х. Арендт ориентирована на реабилитацию определенной формы практического знания и коммуникативной рациональности, располагающейся между научным знанием и мнением, выражаемым политическим суждением. В общем и целом Х. Арендт стремится определить природу дихотомии «активной жизни» (труд, производство, действие) и «созерцательной жизни» (мышление, воление, суждение). Это конститутивные моменты многообразного «человеческого состояния» в его эволюции от греческого полиса до обществ модерна. Из обширного теоретического наследия Х. Арендт, связанного в том числе и с ее многообразной и активной практической деятельностью, данные работы выделяются тем, что в них реконструированы только ее воззрения на отношения между теорией и практикой, соответственно, воззрения на практическую философию, а также ее философско-политические позиции.

Х. Арендт выделяет три основных типа деятельности человека: *animal laborans* (человек трудящийся); *homo faber* (человек производящий); *zoon politikón* (политическое животное). Действие, характеризующее активную жизнь, проявляется, прежде всего, в политическом измерении, т.е. в участии в жизни полиса. В целях «производства» и «труда» можно руководствоваться определенными утилитаристскими нормами. Однако, если они представляют собой заранее сформулированные цели и средства контроля, то в

политической сфере это будет означать конец политического участия. Политика должна постоянно балансировать между консерватизмом и обновлением. Отдельный гражданин способен внести свой вклад в этот процесс, если будет занимать критическую позицию в отношении общества, в котором живет. Плюралистическое, свободное и мультикультурное общество может стать действительностью посредством создания новой государственной системы, способной обеспечить непосредственный доступ граждан к политической жизни.

В работах Х. Арендт утверждается, что сфера политического – это сфера свободы, а не сфера господства и подчиненности. Язык делает людей существами, способными к политике. Политическая легитимность достигается посредством добровольной приверженности общественному договору. В соответствии с такой позицией следует учитывать, что права в политической сфере гарантируются не природой человека, а посредством согласия между индивидами. Специфическая задача политики состоит в том, чтобы в рамках государственного устройства сделать возможным существование различных политико-духовных позиций, а также оформлять и сохранять социальную справедливость.

Карл Шмитт

В современной политической философии сохраняет свое присутствие и К. Шмитт, ставший, по существу, классическим автором. К. Шмитт был одним из представителей так называемой немецкой консервативной революции. Неотъемлемой частью философско-политического контекста стали его критические концептуализации природы государства, субъекта, конституции в формальном смысле, либерального понимания отношений между политикой и насилием, между религией и политикой, институционального политического представительства. Особенное значение имеет его интерпретация политики как политической энергии, связи политики с решением. Понимание К. Шмиттом секуляризации предстает как напоминание об отсутствующей трансценденции, а не просто как светское забвение. Предметом изучения и обсуждения остаются характерные для К. Шмитта философско-политические ориентации, такие как понятие политического, политическая теоло-

гия, антилиберализм, антипарламентаризм, политический реализм, отношения между пространством и политикой. Следует отметить, что такие теоретические ориентации претерпевают, прежде всего в англосаксонском мире, определенные коррекции в плане политического реализма в духе демократического и либерального универсализма.

В работе «Понятие политического» (1927) К. Шмитт связывает сущность политического с различием между «другом» и «врагом». К такому специфически политическому различию можно возвести политические действия и мотивы. Оно не выводимо из других критериев, его можно поставить в один ряд с относительно автономными критериями в других сферах, такими как различие между благим и плохим в морали, прекрасным и безобразным в эстетике и т.п. Всякое противостояние в религиозной, моральной или экономической сферах трансформируется в политическое противостояние, если способно разделить людей на друзей и врагов [Шмитт, 2016]. Таким образом, политическое может быть связано только с конфликтом и борьбой.

К. Шмитт значительно расширяет сферу политики, выводя ее за рамки государства. Государство есть нечто исторически эффективное в той мере, в какой политика поглощает его. Человек есть политическое животное, которое живет в сообществе. Суть политики заключается в создании сообщества, у которого есть внешняя и внутренняя стороны, «друзья и враги». В эпоху Нового времени такое сообщество приняло форму национального государства.

Главным оппонентом К. Шмитта является либерализм и связанный с ним парламентаризм. И либерализм, и парламентаризм являются выражением нежелания проводить различие между другом и врагом. Либерализм превращает врагов в экономических конкурентов и партнеров в политических дискуссиях. Парламентаризм заменяет борьбу компромиссом, он предполагает, что дискуссия ведет к компромиссу, а разделение властей – к справедливости. Это, как считает К. Шмитт, противоречит действительности, поскольку публичность – это фасад.

Лео Штраус

Работа «Естественное право и история» (1952) представляет понятие естественного права как нормативную инстанцию, способную указать человеку цели его политического действия. Л. Штраус подвергает жесткой критике современные философско-политические теории, которые ведут, как он считает, к нигилизму. Все эти интеллектуальные и философско-политические позиции отвергают естественное право, что неизбежно ведет к политике, отделившейся от ценностей [Strauss, 1952]. Главным противником естественного права является историзм во всех своих формах. Историзм утверждает, что история демонстрирует изменчивость всех принципов справедливости и, как следствие, показывает невозможность права, способного получить всеобщее признание. Л. Штраус полагает, что наличие различных понятий справедливости не доказывает отсутствия естественного права. Это лишь указывает на необходимость искать идею вечной справедливости [Strauss, 1952; Strauss, 1964]. Вопреки историзму и конвенционализму задачу философии следует видеть именно в поиске истины по ту сторону изменчивых мнений, следует преодолевать ограниченность той или иной культуры, вообще исторического мира. А это возможно в силу того, что фундаментальные проблемы человека остаются одними и теми же во все эпохи. Историзм есть результат кризиса естественного права в эпоху модерна. Интересно отметить, что главным выражением такого кризиса Л. Штраус считает экзистенциализм.

Резкой критике подвергается идеал этически нейтральной науки, поскольку в таком случае уравниваются все ценности и идеалы. Кроме того, возникает препятствие на пути вынесения ценностных суждений по отношению к абсолютно негативным явлениям.

Одним из важнейших факторов выхода нормативной проблематики на передний план в новой политической философии явилось стремление размежеваться с современной политической наукой, в частности с той философией государства, с которой оказалась связанной политическая наука. Современная политическая наука опирается на различие между фактами и ценностями. Это различие, как правило, связывают с именем М. Вебера.

Л. Штраус подверг критике веберовскую методологию свободы от ценностей. Как он считает, существует действительная несовместимость между философией и политической наукой, ориентированной на методы естественных наук. Философия не есть обладание истиной, она есть поиск истины, и в этом смысле позитивизм и неопозитивизм несут гибель политической философии. Осуждению подлежит и безудержный либерализм, который во имя равенства индивидуальных социально-политических предпочтений неизбежно отстаивает релятивизм.

Л. Штраус отстаивает позиции, альтернативные по отношению к тем, которые подверглись его жесткой критике. Эти позиции опираются во многом на прочтение классики. В общем и целом они выливаются в определенное описание наилучшей формы управления совместной жизнью людей. Речь идет об аристократии, об управлении, осуществляемом лучшими. Это управляющий класс, обладающий политическим образованием. В работе «Град и человек» (1964), представляющей собой три очерка, посвященных Аристотелю, Платону и Фукидиду, утверждается классическое воззрение на совместную жизнь людей, которая устремлена к реализации добродетели. В этой работе утверждается также, что в политике главную роль должны играть те, кто посвятил себя «жизни мысли». Такая позиция вытекает из анализа отношений между политикой и философией.

Возвращение к классикам необходимо вследствие кризиса эпохи, кризиса Запада. Запад утратил видение собственной цели – создать универсальное государство или всеобщий союз свободных и равных наций. А западная демократия в состоянии выжить только в полностью демократическом мире. Теоретическим выражением указанного кризиса является упадок политической философии, ее заменили идеология и социальная наука, которая в своей установке быть свободной от ценностей уже не может быть источником мудрости.

С философско-политических позиций значительный интерес представляет концепция естественного права Л. Штрауса. Эта концепция заслужила признание как одна из наиболее важных, если не самая важная из созданных в наше время за рамками томистской традиции.

Иоахим Риттер

Философский путь И. Риттера начинался в 1930-е годы с критики современной философской антропологии. Критике подверглась «метафизическая антропология» М. Шелера, прежде всего из-за того, что в метафизике растворились отдельные науки, а также «антропологическая метафизика» М. Хайдеггера из-за ее субъективизма.

В 1930-е годы И. Риттер обращается к исследованию исторических предпосылок познания, соотнося формы познания с историческими формами существования человека. Познание определяется «историчностью» и «соотнесенностью с предметностью» [Ritter, 1974]. Оформившийся к концу 1930-х годов поворот к историческому миру после войны находит мощное выражение в новаторской интерпретации философии Г. Гегеля. В значительной мере под воздействием И. Риттера в годы после Второй мировой войны в западной политической философии происходят серьезные изменения. Одним из наиболее значимых изменений был пересмотр традиционного отношения к философии Г. Гегеля. Философия Г. Гегеля интенсивно использовалась в идеологии правых тоталитарных режимов, прежде всего для обоснования в соответствующем плане функции государства. В то же время известна роль гегелевской философии в судьбе марксизма как советского, так и западного.

И. Риттер выступает против интерпретации философии права Гегеля как теории реставрации, как апологетической теории прусского государства, считая, что центр философии образует провозглашенная Французской революцией и ставшая реальностью в буржуазном обществе свобода человека. Упомянутые изменения были направлены не только против обрисованного использования философии Гегеля, но и против традиционной трактовки Гегеля как консервативного апологета прусского государства. Эти изменения можно охарактеризовать как стремление предложить либеральную интерпретацию философско-политических и философско-правовых воззрений Г. Гегеля. Подобная либеральная интерпретация философии права Г. Гегеля станет общим достоянием во многих странах, в том числе англоязычных. В соответствии с такой интерпретацией гегелевская философия права представляет собой учение о

«модерновом государстве», а также утверждает освобождение человека в эпоху модерна.

Влияние И. Риттера на современную практическую философию и политическую философию определяется и воздействием сформировавшейся вокруг его творчества школы, к которой принадлежит целый ряд известных философов, таких как Одо Марквард, Герман Люббе, Манфред Ридел, Роберт Шпеман. Последователи И. Риттера обратились к теориям, занимающим центральное положение в творчестве Г. Гегеля, – философии государства, к тому, что в настоящее время нередко принято называть «политической теологией». В спорах между последователями И. Риттера и приверженцами теории дискурса К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса неаристотелевская и неогегельянская теория нравственности школы И. Риттера стала своего рода противовесом этике дискурса, опирающейся на работы И. Канта.

Эрик Фогелин

Э. Фогелина следует назвать в числе первых европейских философов, в том числе живших и действовавших в англоязычных странах, кто оказал значительное влияние на разработку интернациональной повестки для современной политической философии. Имеет смысл отметить при этом, что его воздействие на политическую философию в США оказалось более широким и интенсивным, чем влияние на политическую философию в Западной Европе.

Э. Фогелин отстаивает идею о том, что сознание образует своего рода центр, из которого определяется организация существования человека в обществе и истории. Философия сознания, соответственно, предстает как ядро его политической философии, поскольку порядок общества следует из «порядка сознания». Примечательно, что эта идея представлена в контексте работы, призванной ответить на вопрос о значении политической действительности: сама эта работа образует завершающую часть произведения «Анамнез. К теории истории и политики» [Vogelin, 1966]. Э. Фогелин стремится выявить фундаментальные элементы теории сознания. При этом он считает, что теорию сознания нельзя представлять как совокупность утверждений о некоторой данной структуре, поскольку человеческое сознание не есть некий фикси-

рованный предмет, который можно описать извне. Сознание – это опыт причастности основе бытия, это опыт, «логос которого можно прояснить, только сделав его объектом определенной медитативной экзегезы» [Vogelin, 1956–1987]. Имеет смысл подчеркнуть, что именно посредством медитативного процесса Э. Фогелин и создал свою теорию сознания. Теория сознания, прежде всего фундаментальный тезис, лежащий в ее основе, послужили основанием всего многообразного творчества после ранних работ Э. Фогелина, в том числе его политической философии, понимаемой весьма широко.

Работа «Новая наука политики» (1952) представляет собой попытку разработать, точнее восстановить, политическую науку, т.е. политическую философию с опорой на Платона и Аристотеля. Сам проект по замыслу ориентирован на критику позитивистских воззрений, которые в современных социальных науках привели к релятивистским и нигилистическим результатам. На этом фоне «Новая наука» [Фёгелин, 2021] призвана служить целям обновления политической философии и рациональной практики. В фокусе внимания оказывается вопрос о сущности рациональности. Рациональность в классическом смысле, как это понимает Э. Фогелин, означает открытость человека по отношению ко всем сферам бытия и его причастность этим сферам. В особенной мере сказанное относится к причастности человека божественному бытию вне мира. Предлагаемая «новая наука» концентрируется на опытах, обнаруживающих для человека его связь с божественным основанием. Они позволяют человеку понять его человеческую природу и истину его существования.

Из анализа опыта должна исходить и теория истории. В «Новой науке политики» сначала описываются эпохи исторического процесса, в которые человек во все большей мере отделял себя от структуры космической реальности и от своего положения в ней. Высшей ступени этот процесс достиг в христианстве. С XIII в. начинается обратное движение, в ходе которого человек все больше закрывался от божественного основания, создавая, с опорой на естественные науки, «нового человека» и «новый мир». В контексте такого подхода Э. Фогелин представляет последние пять веков европейской истории как процесс духовного упадка и усиливающегося иррационализма. Особенно ярко это воплотилось

в современных массовых «гностических движениях» и во Второй мировой войне.

В творчестве Э. Фогелина значительное место занимает история. В завершении уже ставшей классической работы «Новая наука политики» он утверждает, что новая политическая философия должна быть философией истории. Труд в пяти томах «Порядок и история» (1956–1987) представляет собой попытку разработать философию истории, которая охватывает все великие цивилизации. Этот труд оказал значительное влияние на современную политическую философию, особенно в США. Он в систематическом плане ставит целью показать духовные основания западной культуры. А это создает условия для описания состояния кризиса, в который впала эта культура в эпоху модерна. Исторические исследования обращены, прежде всего, к формам порядка и символической сферы. Концепция истории и порядка, положенная в основу исторических исследований, призвана в числе прочего служить средством преодоления философско-исторических спекуляций и прогрессистских построений XVIII–XIX вв.

Оттфрид Хёффе

Творчество О. Хёффе играет заметную роль в современной политической философии, причем в международном масштабе. Работы О. Хёффе привлекли значительное внимание и в англоязычных странах, и в романских. Работа «Политическая справедливость» [Hoffe, 1987] является предметом самостоятельной дискуссии с момента публикации (1987) и вплоть до наших дней. Предметом обсуждения, особенно в ФРГ, стали и те моменты его концепции, которые указывают на самостоятельность философско-правовой проблематики и на необходимость разработки морально-философской проблематики в широком философско-политическом контексте.

Наряду с усилиями по разработке Хёффе содействовал тому, что принято называть современной реабилитацией практической философии. Политическая теория О. Хёффе проникнута политическим реализмом. Достаточно редким явлением в современной философско-политической литературе можно считать присущее О. Хёффе стремление к обоснованию идей посредством их соотне-

сения с общественной реальностью, не ограничиваясь анализом отношений между идеями.

Очень важную роль в теоретических устремлениях О. Хёффе играет «идея обменной справедливости», фактически практикуемая индивидами в процессе социальных обменов. Это позволяет осуществить переход от интересусубъективности общественных событий к субъективности этических притязаний индивидов. В общем можно утверждать, что О. Хёффе через соотнесение с антропологическими, контрактуалистскими позициями, а также в соотнесении с определенными теориями рациональности стремится предложить основоположение в политической философии теории государства и права. О. Хёффе осуществил попытку критического размежевания с теорией справедливости Дж. Ролса, а также подверг критическому рассмотрению различные варианты утилитаризма. О. Хёффе отстаивает принцип преимущества индивидуальной свободы по отношению к приватному счастью. Этот же принцип позволяет оправдывать нужность государственно-правового принуждения. Ведь без осуществляемой всеми совокупно легитимации полномочия на насилие не может быть какой-либо справедливости.

О. Хёффе размежевывается с господствовавшим правовым позитивизмом, отвергает утопические надежды на возможность свободы от политического господства. Справедливость вправе рассчитывать на государственные институты. В такой позиции отчетливо виден политический реализм. Реализм проявляется и в том, что политические действия и свершения выводятся из конфликта. Конфликт предшествует согласию. Как полагает О. Хёффе, конфликт – это не признак упадка человеческих сообществ, это структурное условие их существования, без конфликтов не возникал бы и вопрос их легитимации. Таким образом, роль социальной кооперации понижается. Вместе с тем она принимает участие в создании и функционировании институтов.

В своих поздних работах О. Хёффе уделяет значительное внимание проблематике суверенного современного государства, соответственно изменениям, претерпеваемым им в глобальном контексте его существования. Осуществленная О. Хёффе реабилитация правовых возможностей национального государства не означает, что его подход ограничивает национальное государство привычными для него задачами. У национального государства

есть потенциал для осуществления определенных устремлений, которые предполагают его выход за собственные границы. Более того, подобный выход в нынешних условиях предполагается притязаниями государства на реализацию справедливости. Именно дееспособные государства с демократической конституцией и социально ориентированным устройством в состоянии служить гарантией реализации справедливости и в международном контексте.

Заключение

В современном обществе право на политическую самореализацию становится одним из основополагающих. Не последнюю роль в этом играет политическая философия. В ее рамках активно разрабатываются темы свободы, индивидуализма, субъективизма и т.п., формирующие актуальную повестку дня для новой западной науки.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. – Москва : Ад Маргинем, 2017. – 417 с.
- Арендт Х.* Жизнь ума. – Санкт-Петербург : Наука, 2013. – 517 с.
- Арендт Х.* Лекции о политической философии Канта. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 303 с.
- Кимелев Ю.А.* Итальянская философия на рубеже XX–XXI вв. – Москва : ИНИОН. РАН, 2020. – 98 с.
- Кимелев Ю.А.* Современная испанская философия. – Москва : ИНИОН РАН, 2010. – 91 с.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. – Москва : Праксис, 2017. – 491 с.
- Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 474 с.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – Москва : Научный мир, 1998. – 204 с.
- Фёгелин Э.* Новая наука политики. Введение. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2021. – 372 с.
- Шмитт К.* Понятие политического. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 568 с.
- Bubner R.* Geschichtsprozesse und Handlungsnormen: Untersuchungen zur praktischen Philosophie (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft). – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1982. – 318 S.
- Ehrenberg A.* Weariness of the self: diagnosing the history of depression in the contemporary age. – Montreal : McGill-Queen's University Press, 2010. – 345 p.

- Hoffe O. Politische Gerechtigkeit. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1987. – 522 S.
L'Individu aujourd'hui. – Rennes : Presses Universitaires de Rennes, 2010. – 395 p.
Ritter I. Subjektivität. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1974. – 191 S.
Strauss L. Natural right and history. – Chicago : Chicago University press, 1952. – 107 p.
Strauss L. The city and man. – Chicago : Chicago University press, 1964. – 285 p.
Vogelin E. Order and history : 5 Bde. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1956–1987. – Bd. 1. – 570 p.; Bd. 2. – 416 p.; Bd. 3. – 416 p.; Bd. 4. – 368 p.; Bd. 5. – 152 p.
Vogelin E. Anamnesis. Theorie der Geschichte und Politik. – München : Piper Verlag, 1966. – 395 S.

References¹

- Arendt, H. (2017). *The human condition*. Moscow: Ad Marginem.
Arendt, H. (2013). *The life of the mind*. Saint-Petersburg: Nauka.
Arendt, H. (2011). *Lectures on Kant's Political Philosophy*. Saint-Petersburg: Nauka.
Kimelev, Yu.A. (2020). *Ital'yanskaya filosofiya na rubezhe XX–XXI vv.* Moscow: INION RAN.
Kimelev, Yu.A. (2010). *Sovremennaya ispanskaya filosofiya*. Moscow: INION RAN.
Kimelev, Yu.A., Polyakova, N.L. (2017). *Modern i prozess individualizazii: istoricheskie sud'by individa moderna*. Moscow: Praxis.
Renaut, A. (2002). *The era of the individual: a contribution to a History of Subjectivity*. Saint-Petersburg: Vladimir Dal.
Touraine, A. (1998). *Vozvrazhenie cheloveka deystvuzhogo. Ocherk sociologii*. Moscow: Nauchnyi mir.
Vogelin, E. (2021). *The New Science of Politics*. Saint-Petersburg: Vladimir Dal.
Schmitt, C. (2016). *The concept of the political*. Saint-Petersburg: Nauka.
Bubner, R. (1982). *Geschichtsprozesse und Handlungsnormen: Untersuchungen zur praktischen Philosophie (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft)*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
Ehrenberg, A. (2010). *Weariness of the self: diagnosing the history of Depression in the contemporary age*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
Hoffe, O. (1987). *Politische Gerechtigkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
L'Individu aujourd'hui. (2010). Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
Ritter, I. (1974). *Subjektivität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
Strauss, L. (1952). *Natural right and history*. Chicago: Chicago University press.
Strauss, L. (1964). *The city and man*. Chicago: Chicago University press.
Vogelin, E. (1966). *Anamnesis. Theorie der Geschichte und Politik*. München: Piper Verlag.
Vogelin, E. (1956–1987). *Order and history. 5 Bde*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.

---

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле American Psychological Association (APA) 6th edition.